

КРИЗИС ПОКОЛЕНИЙ? ИЛИ НАШИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ?

Существует ли на самом деле пресловутый кризис поколений? Или он с точки зрения социологии нормальное, а не патологическое явление? По мнению автора статьи, молодежь раньше входит в кризис, переживаемый обществом, и раньше из него выходит. А смена ценностных парадигм в общественном сознании — явление распространенное и типичное для всех обществ во все исторические эпохи. В статье анализируется ценностно-мотивационный комплекс современной молодежи на основе вторичного анализа социологических данных.

К л ю ч е в ы е с л о в а: молодежь, ценности, кризис, российское общество, общественное мнение.

Кризис поколений — одна из самых заезженных тем в социологии молодежи. Отнесение кризиса поколений именно к молодежи по сути является обвинением ее как репродуктора данного кризиса. То есть молодежь в ухудшении межпоколенческих отношений виновата больше, чем родительское поколение. И она не только производит, но и постоянно воспроизводит этот кризис, как будто больше ей заняться нечем.

Глубинным содержанием такого кризиса является столкновение ценностей, а не настроений, эмоций, статусов или установок. Старшее поколение выступает носителем традиционных ценностей, а молодежь... С молодежью все гораздо сложнее. Какие ценности начертаны на ее знаменах, толком разобраться никто не может. Одни говорят, что там — идеалы постмодернизма, другие — постматериальные ценности, третьи вообще утверждают, что нынешней молодежи свойствен «пофигизм» и ничего более. «Традиционные ценности — это ценности, усвоенные поколением родителей. Отказ детей от них вольно или невольно означает и критику, осуждение ими образа мыслей и жизни отцов» [3, 98]. Об этом же пишут другие исследователи [8, 5, 10].

Стоит разобраться подробнее в том, что такое традиционные ценности и кто именно выступает их носителем. Решив этот вопрос, мы, быть может, лучше поймем, что такое кризис поколений.

Традиционные ценности неявно предполагают, что речь идет о ценностях традиционного общества. Но так ли это на самом деле? Фактически в одном понятии совмещены две реальности: ценности традиционного общества — одно, а ценности, по традиции унаследованные от родителей, — другое. Носителями ценностей традиционного общества всегда выступают родители. Происходит неявная подмена одного другим. Поколение нынешних 60-летних не является носителем ценностей традиционного общества ни в какой мере. Оно воспитано, во-первых, в рамках и формате индустриального общества; во-вторых, общества советского.

Индустриальное общество, как известно из социологии, приходит на смену традиционному, аграрному обществу. Если употреблять предикат «традиционное» к ценностям и обществу, то мы должны будем сказать: традиционные ценности — это ценности аграрного, крестьянского общества. Так и было, но только до середины XX в. А в середине 1960-х гг., согласно статистике, наша страна превратилась преимущественно в городскую цивилизацию. Стало быть, ни о каком доминировании ценностей традиционного общества говорить нельзя. В годы юности нынешних 60-летних россиян деревенский уклад воспринимался как архаика и пережиток.

Традиционные ценности (традиционную культуру) надо понимать так: 1) это ценностная система доиндустриального общества, 2) унаследованная от многих или большинства проживающих на данной территории представителей поколения система верований, ценностей, идеалов, норм и традиций. Традиционные ценности (ценности народные) встречаются на каждом шагу, например, почти каждая российская семья хотя бы раз встречается за праздничным столом на Пасху, Рождество, Новый год, где присутствуют все поколения. Это дань традициям и старшему поколению. Поздравительные открытки детям шлют родители, а родители — детям. Кроме того, это семейные фотоальбомы, проживание летом на даче всей семьей, Родительские субботы.

Традиционные общества многообразны и сильно дифференцированы в зависимости от составляющих их культур. Так, кавказские этносы в СССР с их кровной мезьью, традициями клановости, родства и землячества, уважения к старшим сильно отличаются от традиционной культуры чукчей, эстонцев, таджиков, русских или западных украинцев. Ценностная система кастового общества Индии, не менее древняя, чем у этих народов, населявших СССР, но совершенно иная. Почему сегодня русские боятся иметь дело с чеченцами? Потому что там существует традиция кровной мести. А у нас все атомизировано, нет солидарности. Традиции у русских никогда не были такими, как у чеченцев. Не были такими и традиции индийцев, китайцев или поляков.

По данным социологических исследований, в структуре ценностей населения Вологодской области на первом месте стоят современные ценности (8,8 балла), на втором — общечеловеческие (8,2 балла), на третьем — традиционные (7,6 балла) [10, 98].

Даже если не отождествлять традиционные ценности родителей с ценностями традиционного общества, все равно проблемы не решить. Когда успели ценности нынешних 40-летних и 60-летних россиян стать традиционными? Традиционным все становится по прошествии очень длительного времени. На протяжении 50 лет любой авангард, живописный, музыкальный или театральный, не воспринимается общественным мнением как некая социокультурная норма. Этот временной лаг — запаздывание в понимании и принятии новшеств — давно известен и хорошо описан как в советской, так и в зарубежной социологической и культурологической литературе. Таким образом, 50 лет — минимальный срок для «утрамбовки» и кристаллизации новшеств, их превращения в традицию. То, что стремится поскорее попасть в обыденный уклад жизни и стать традицией, очень скоро изгоняется из культурного арсенала народа. Так было с большинством советских праздников, вымученных, искусственных, нежизнеспособных.

Поскольку у всех людей одного поколения разные ценности, то говорить о собирательном образе неких традиционных ценностей родителей нельзя. Наконец, ценности родителей менялись на протяжении всей их жизни. Какой период берется за показатель? Ценности в конце жизни? Но, например, ценности стариков — это ценности измученных жизнью и властью людей, чаще всего они более консервативные, как показывают многочисленные исследования, чем ценности молодых. То есть то нытье и жалобы на жизнь, вечное ворчание на молодых, неумение пользоваться Интернетом и тому подобные моменты являются показателем традиционных ценностей?

В 1937 г. по стране прокатилась волна массовых репрессий, в ссылку отправили миллионы крестьян — носителей традиционных ценностей. Это были середняки и так называемые кулаки. В деревне остался люмпен-пролетариат, который пробрался к кормилу власти. Миллионы обедневших крестьян отправлялись в город на стройки индустриализации и становились маргиналами. Все руководство советской власти, снизу доверху, не унаследовало высокие нравственные ценности от предшествующих поколений. С прошлым Советы порвали. В последующие годы лагеря пополнили толпы бандитствующих элементов. Криминализованное сознание стало массовым. Это все хранители традиционных ценностей в их высоком понимании?

А как в других странах? В США поколение хиппи полностью отвергло традиционные ценности. И кто же там является их носителями? Горстка протестантов, некогда заселивших Северную Америку и пропагандировавших ценности трудовой этики, включая мормонов? Много ли их сегодня? Все они накопили богатство (того требует протестантизм для спасения души) и превратились в элитарную прослойку высшего класса, составляющую не более 3–5%. А кем являются десятки миллионов чернокожих, носителей антиколониальной психологии, и выходцев из Латинской Америки, включая мексиканцев, некогда поработанных испанцами и лишенных своих корней? Какие ценности они передают своим детям?

Так что «традиционные ценности» — это эвфемизм или понятие, которое, по мнению российских социологов, должно восприниматься читателями «по умолчанию». Однако в этом самом умолчании все и дело. Каждый понимает

традиционные ценности по-своему. И никакого единства, требуемого «по умолчанию», нет.

И вообще что делают родители в процессе воспитания и социализации своих детей? Они передают традиционные ценности? Нет, они решают будничные проблемы, спорят между собой и с молодежью. Когда старики ворчат и морализируют, пытаясь силой навязать свое представление о мире, молодежь сопротивляется. И зачастую этим достигается эффект противоположный. В мирных, гармоничных семьях старшие не навязывают свои ценности молодежи, а воспитывают в ней самостоятельность и умение находить свой жизненный путь, в том числе свои ценности. Так получается лучше. В плохих семьях никаких традиционных ценностей не существует, есть только пьянство и разврат. Здесь передавать нечего.

Так что же происходит на самом деле: различия в ценностях между возрастными группами обусловлены качеством семейного воспитания, возрастом и полом или обществом и классовой позицией? В ходе исследования поколений методом нарративного интервьюирования¹ и последующего анализа транскриптов саратовскими социологами было выделено 30 поколенческих ценностей, которые, сформировавшись в период ранней социализации (к 18–20 годам), оставались затем относительно стабильными. Они претерпевают изменения не в связи с возрастной, а в связи с общественной динамикой, а именно тогда, когда общество, в том числе российское, переживает кризисные периоды, переломные точки роста.

В исследовании В. И. Добрынина, Т. Н. Кухтевич, С. В. Туманова [5] к ценностям родительского поколения отнесены идейность, примат духовного над материальным, державность, трудолюбие, коллективизм, общинность, двойственность модели поведения («домашнее» и «общественное» поведение), интеракционизм. В другом исследовании, В. В. Гаврилюк и Н. А. Трикоз [3], распределение ценностей осуществляли по четырем ценностным системам: смысложизненной, витальной, социализационной, интеракционистской. В каждой выделялись две категории — интегрирующие и дифференцирующие ценности. Если преобладают первые, то поколение считается гомогенным и консолидированным, если вторые — гетерогенным и неконсолидированным.

В группу смысложизненных ценностей вошли «установка на обеспечение достойного продолжения своего рода», ценности доброты и жизни, правда — ложь. В витальной системе ценностей исследователи выявили «недоверие к государственным структурам», безопасность, совесть, помощь бедным, комфорт, здоровье и благополучие. В интеракционистской системе ценностей измерялись «хорошие семейные и дружеские отношения», «спокойная совесть и душевный покой», «взаимопомощь и поддержка в труде», готовность к «равноправному диалогу с теми, кто придерживается иных взглядов». В систему социализационных

---

¹ В 1998–1999 гг. опрошено 1060 девушек и 975 юношей (учащихся лицеев, вузов и ПТУ), 1011 представителей среднего поколения (педагоги и медики) в 14 населенных пунктах Саратовского региона по стратифицированной многоступенчатой выборке. Также в 2000 г. методом неформализованного свободного интервью было опрошено 720 респондентов, представителей различных поколений, примерно в равных пропорциях (рук. проф. Н. В. Шахматова).

ценностей включены индивидуальность, традиции, ориентация на поколение, Родина, экология.

Что же выявило исследование, призванное показать ценности родительского («отцы»), а не старшего («деды») или молодежного («сыны») поколения? «Результаты показывают: 1. Родительское поколение отнюдь не гомогенно, внутри этого поколения возможно распределение на социальные группы именно по ценностным системам. 2. Относительно данной системы ценностей становится некорректной характеристика родительского поколения как традиционного, с устаревшей системой ценностей, ориентированного на коллективное, общинное сознание. Ведь 59 % опрошенных родителей согласны с утверждением, что «быть яркой индивидуальностью лучше, чем быть как все»; очевидна ориентация на дифференцирующие характеристики, выявляющие специфичность и особенность личности. Кроме того, только в 44 % случаев можно говорить о сохранении традиционных ценностей родительским поколением, поскольку хоть и не подавляющее, но большинство родителей говорят об установках на инициативность, предприимчивость, новаторство в сознании и поведении» [3, 100–101].

Оказалось, что родительское поколение более неоднородно и более не сформировано, чем старшее; по ряду социализационных ценностей нет единодушия и единого понимания этих ценностей, хотя в целом родительское поколение «имеет схожие социальные характеристики, привитые социалистической системой». Какие еще важные выводы можно сделать на основе этого, в целом весьма интересного исследования? Его авторы пытаются убедить нас в том, что родительское поколение (те, кому в 2000 г. было примерно 40 лет) является творческим и инновационным (имеет «огромный новаторский потенциал»), но не является «сплоченной социальной группой, способной к активным социальным преобразованиям». Иначе говоря, реализовать себя в общественной и политической жизни родителям не удалось (да и не способны они к этому в силу особенностей социализации данного поколения), а все надежды связывают с детьми: «нереализованный потенциал родители попытаются реализовать через своих детей» [Там же, 101].

А что молодое поколение? Оно уже не равняется, как раньше, на космонавтов и геологов. Для 67 % тюменских старшеклассников, например, литературные герои не служат образцом для подражания, они не воспитывают себя на примере их благородных поступков. Еще реже ценностным ориентиром выступают современные политики: 87 % учащихся отрицали возможность подражать им. Молодое поколение более категорично в своих суждениях и оценках (такова особенность возрастной психологии), но зато более солидарна и сплочена в выборе базовых ценностей: «ценности добра, свободы и достойного продолжения своего рода не подвержены влиянию перемен в обществе. Для 79 % опрошенных эти ценности — основа интеграции. А вот отношение к правде, красоте и, что особенно настораживает, к жизни весьма неоднозначное: 71 % (!) респондентов считают, что «не всегда нужно стремиться к правде, иногда нужна ложь во спасение». Для 77 % красота не является той ценностью, которая важна в нашем обществе, «спасти мир» сегодня не могут ни правда, ни красота» [Там же].

На самом деле ничего удивительного и настораживающего в мировоззрении молодого поколения нет. Налицо расхождение между терминальными, касающимися целей и смысла жизни, и инструментальными, связанными с моделями повседневного поведения, ценностями в терминологии М. Рокича. Российская молодежь унаследовала главное — традиционные ценности своего народа. Но она отрицает текущие, преходящие ценности, которые диктуются либеральным обществом, системой всеобщей коррупции и преступностью, которые допускают нынешние политические власти. Молодежь отрицает то, что должен отрицать всякий честный и разумный человек.

В. В. Гаврилюк и Н. А. Трикоз установили, что молодежь может придерживаться противоположных ценностей, таково, на их взгляд, «проявление общей закономерности противоречивости общественного сознания эпохи как общей закономерности трансформации». При установке «иногда нужна ложь во спасение» молодежь пытается достичь «спокойной совести и душевного покоя». Но почему эти ценности обязательно являются альтернативными? Они скорее независимые друг от друга переменные. Существовая далеко не в идеальном обществе, где власти постоянно врут народу, можно иногда соврать, чтобы выжить. И при этом — на уровне психологического комфорта — стремиться к душевному покою. Он достигается просто: индивид оправдывает свою ложь тем, что вокруг все врут (то есть это общепринятый стандарт социального поведения) и его ложь нужна во имя спасения (ценности выживания). Молодежь понимает, что в других странах, может быть, все не так, хотя тут же следуют заявления, что хорошо там, где нас нет, и у других народов ложь на повседневном уровне — массовый стереотип.

Далеко за примерами ходить не надо. Во время политических репрессий 1937 г. мало кто придерживался правды, поскольку сами власти требовали от граждан лжи. Самооклеветание на допросах на Лубянке, постоянные доносы ради выселения соседей, получения каких-то благ и привилегий, как сегодня выясняется, являлись в нашей стране распространенной социальной практикой, свидетельствующей о глубоком духовно-нравственном кризисе.

В 2001 г. питерские социологи провели исследование общественного мнения [4]. Сопоставив новые данные со старыми, они проследили поколенческую динамику ценностных ориентаций на 15-летнем отрезке. Вопрос о жизненных ценностях у разных поколений выявил неожиданную и одновременно ожидаемую тенденцию: ценность семьи (72,6 %) была на первом месте, за ней шло здоровье (70,9 %), далее, сильно отставая, деньги (33,7 %), друзья (32,4 %)², интересная работа (27,8 %) и справедливость (21,3 %). В молодежной выборке друзья (53 %) «обгоняют» здоровье (49 %), но семья все-таки важнее всего (60 %).

Сопоставим проранжированные системы ценностей (родителей и молодежи), используя данные исследования В. В. Гаврилюк и Н. А. Трикоз (см. таблицу) [3, 99, 101]³.

² Значимость друзей — характерная российская черта, в западных странах ее ценность значительно ниже.

³ В статье на с. 103 приведена более полная таблица «Комплексный анализ ценностных систем поколений».

Сравнение поколенческих ценностей

Смысложизненные ценности	
родителей	детей
<p>1. «Смысл жизни не в том, чтобы улучшить свою собственную жизнь, а в том, чтобы обеспечить достойное продолжение своего рода». 2. «Человеку свойственны разные проявления, но все-таки по природе он добр». 3. «Жизнь человека – высшая ценность. Только закон может посягнуть на нее». 4. «Свобода человека – то, без чего жизнь теряет смысл». 5. «Только содержательная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею значительную часть своей жизни». 6. «Вера в Бога – это только обряды, имеющие какой-то не совсем понятный смысл». 7. «Бывают условия, что никакая красота не сделает человека лучше». 8. «Не всегда нужно стремиться к правде, иногда нужна ложь во спасение».</p>	<p>1. «Свобода человека – то, без чего жизнь теряет смысл». 2. «Вера в Бога – это только обряды, имеющие какой-то не всем понятный смысл». 3. «Бывают условия, что никакая красота не сделает человека лучше». 4. «Человеку свойственно разное, но все-таки по природе он добр». 5. «Смысл жизни не в том, чтобы улучшить свою собственную жизнь, а в том, чтобы обеспечить достойное продолжение своего рода». 6. «Не всегда нужно стремиться к правде, иногда нужна ложь во спасение». 7. «Только содержательная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею значительную часть своей жизни». 8. «Жизнь человека – высшая ценность, только закон может посягнуть на нее».</p>

Что показывает сравнение? Тезис «Смысл жизни – в продолжении рода» вполне естественно стоит на первом месте у родителей и на пятом месте у детей (для них это не главное). Стихийный атеизм или, точнее сказать, атеизм по недомыслию («Вера в Бога – это только обряд») занимает шестое место у родителей (то есть это более верующая возрастная группа) и второе – у молодежи (что весьма характерно для этой возрастной когорты во всех европейских странах). Прирожденная доброта у родителей и детей находится примерно на одинаковом месте. Жизнь как высшая ценность по-разному оценивается двумя группами респондентов, но не имеет никакого отношения к категории «традиционные ценности». Уверенность в том, что «не всегда нужно стремиться к правде», опять же роднит тех и других (8-е и 6-е места). Вопрос о красоте, на наш взгляд, вообще слабо дифференцирует традиционные ценности.

Общий вывод: между родителями и детьми, согласно результатам исследования по категории смысложизненных ценностей, не существует принципиального различия, тем более конфликта ценностей. В таком случае неправомерно говорить о духовно-нравственном кризисе молодежи, поскольку у родителей, обладающих схожим набором ценностей, подобных суждений не делалось. С нашим выводом согласны, видимо, и авторы приведенного исследования, в конце своей статьи заключающие: «Второй значимый вывод связан с некоторыми выявленными совпадениями в ценностных ориентациях “отцов” и “детей”, что, в свою очередь, определяет осторожно оптимистический взгляд на существующий конфликт поколений» [3, 105].

Вывод авторов исследования о том, что «в процессе социализации молодежь усвоила основной принцип рыночных отношений, какую бы сферу он ни затрагивал» [3, 102], удивления не вызывает, так как опрошенная молодежь (в мониторинговых исследованиях в период с 1998 по 2000 г. участвовали 17-летние старшеклассники тюменских школ) проходила свою социализацию уже при капитализме. В еще большей степени, судя по другим исследованиям, это справедливо для современных 17-летних школьников, которые не только социализацию проходили после социализма, но и родились не при социализме.

Однако на основании первоначально правильного вывода В. В. Гаврилюк и Н. А. Трикоз приходят в дальнейшем, на наш взгляд, к совершенно некорректному умозаключению. Если школьники считают, что «главное — инициатива, предприимчивость и поиск нового», то на основании данного высказывания и ярко выраженной ориентации на рыночные принципы, как считают авторы, «уже по этим двум выборам» нельзя строить заключение о том, что «перед нами обновленное поколение, освободившееся от контроля обычаев и норм, принятых большинством. Оно пойдет по пути поиска нового, приобретая при этом, возможно, не только положительный опыт» [Там же]. Чем таким оно «обновлено» и в чем заключается его «новизна», если ценности одного поколения мало чем отличаются от ценностей другого? В том, что поколение старшеклассников рубежа двух веков приобретет в дальнейшем «не только положительный опыт», сомневаться не приходится. В либеральном обществе, построенном по западным меркам, а потому насквозь подражательном, учиться плохому молодежи есть у кого.

Мы выбираем одни ценности и отторгаем другие. Одни стремятся заработать как можно больше, другие считают, что не в деньгах счастье. Столкновение ценностей происходит тогда, когда достижение одной цели мешает выполнению другой. Когда социологи пишут о кризисе поколений, то подчеркивают, что молодые не слушают родителей, у них конфликт ценностей, что они проявляют самостоятельность. В чем самостоятельность? Сходить без спроса на дискотеку? Это строптивость. А когда дело доходит до жизненно важных выборов — куда идти учиться, куда идти работать, на ком жениться, — то роль родителей оказывается максимальной. Родители еще в советские времена советовали своим чадам не ходить на завод (хотя тем ох как не хотелось учиться сразу после школы), а поступать в вуз. И в подавляющем большинстве (от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ школьников именно так и поступали) они послушно шли в вуз. Трудоустройство «по блату», через знакомых, возможно только при помощи родителей, которые мобилизуют для таких целей весь свой социальный капитал. И прежде, и сегодня трудоустройство молодежи на $\frac{3}{4}$ либо $\frac{2}{3}$ происходит «по блату» (неформальные каналы трудоустройства). Наконец, женитьба. Здесь строптивость детей наибольшая, норовят жениться вопреки мнению родителей. Но потом разводятся, каются и говорят родителям: как ты, мама, была права.

Так в чем он, этот кризис поколений? В досуговых предпочтениях, в выборе кинофильмов и телепередач, в выборе знакомых? А может быть, он в преимущественной ориентации на деньги и успех?

Материальные ценности выступают на передний план в экстремальных условиях, когда в стране глубокий кризис или на весах положена жизнь (голод, тяжелая болезнь). Нематериальные ценности преобладают в благополучные времена. Такая ситуация сложилась в Западной Европе. Однако у американцев, какие бы времена ни переживало их общество, на первом плане остаются деньги. Стало быть, дихотомия «материальное — постматериальное» делит не поколения, а культуры и эпохи. Данные кросскультурных исследований, проведенных в 40 странах под руководством Р. Инглхарта, показали, что хотя постматериальные ценности более всего распространены в богатых странах Запада (США, Швеции, Японии, Австралии и т. д.), где их разделяло в 1990 г. от 20 до 33 % населения, они начинают проникать и в менее развитые страны, скажем, в Турцию и Мексику (чуть менее 20 %). Хуже всего постматериализм представлен в Южной Азии, экваториальной Африке и постсоциалистических странах, в том числе в России (11 %) [13].

И все же правильный подход к поколенческому кризису заключается, на наш взгляд, в легализации его как нормального явления, сопровождающего развитие любого общества в любую историческую эпоху. Плохо, когда его нет. Тогда нет динамики общества. «В последние годы изменения в стране происходили с такой скоростью, что молодежь с разницей в возрасте в три-четыре года отличается своими ценностными ориентациями (нередко говорит даже на разных языках, сленг и набор лексики заметно различаются)» [1, 124]. Российское общество, наша культура и вслед за ними наша молодежь словно стремились приобрести то, что они потеряли в годы брежневского застоя, а именно динамичность.

Сверхстремительные скорости социальных изменений не могут не порождать межпоколенческих разрывов. В своих публикациях В. Лисовский [6] настаивает на духовно-нравственном разрыве поколений, поскольку ценности отцов не наследуются детьми по той причине, что они «не пригодны ни для настоящей, ни для будущей жизни» [3, 166]. О прерывании традиций в передачи поколенческих ценностей пишут Ю. М. Беспалова и С. М. Герцен: «Качественная ломка традиционных ценностных систем особенно ярко проявляется в кризисе воспитательной функции родительского поколения» [1, 123].

Разрыв, или культурный лаг, может показывать ценностные различия у разных социальных групп, и тогда это нормальное социальное явление в динамичном обществе. Но он может быть столь значительным, что способен обнажить пропасть между ними. И тогда впору говорить о ценностной несовместимости. «Большая часть молодежи не имеет связи с советским периодом, не ориентирована на ценности, присущие как советскому периоду, так и старшему поколению; мало наследуются и традиционные российские ценности дореволюционного периода. Только часть молодежи наследует традиционные национальные установки, идентифицирует себя с ценностями российской цивилизации, региональными ценностями. Обращает внимание культурная нетребовательность части молодежи, уход от классического духовного наследия, а также готовность потреблять культурные эрзацы» [Там же, 124].

Если социализм приучал старшее поколение не выпячивать свои успехи и материальное благополучие, то и приоритетной ценностью у него вряд ли

будут деньги. Но сегодня времена иные. Ныне за окном капитализм. Он иначе расставляет приоритеты. Деньги и карьера — повестка дня не только у людей, но и у общества в целом. Происходит сдвиг в ценностной системе, который, возможно, не имеет отношения к духовно-нравственному кризису. Как считают некоторые авторы, «сегодня молодежь уже не столь востребованы ценности старших поколений в экономической сфере: трудовой героизм, служение любимому делу и стране в целом, усердие, бережливость, примат справедливости над выгодой, самодисциплина. Большое число молодых людей отдаёт предпочтение не повседневному труду, а удаче» [1, 122]. Проанализировав эмпирические данные, И. Чистяков приходит к выводу, что ныне формируется новая трудовая этика, определяющая поведенческие приоритеты молодежи: доминирование «материального фактора» в структуре трудовых ценностей [12].

Материально-прагматическую окраску приобретают все пункты ценностной шкалы. Выгодные связи — социальный капитал; нужный вуз, дающий путевку в жизнь, а не духовное обогащение, — культурный капитал. Они сегодня подчинены третьему виду капитала — экономическому. Согласно выводам ряда авторов (Ю. Вишневецкий, В. Шапко [2], Л. Банникова, Я. Дидковская и др.), образование для российской молодежи все больше приобретает инструментальную ценность — как средство улучшения качества жизни, повышения материального благосостояния и социального статуса, карьерного роста. Отмеченная тенденция наблюдается на фоне отхода молодежи от ценности фундаментальных знаний и кризиса чтения книг.

В молодежной среде наметились спад коллективизма и рост индивидуализма. Все больше молодежь ориентируется на западные ценности (стремление к успеху, индивидуализм, прагматизм). Против выступает только старшее поколение, за — СМИ, правительство, либеральная интеллигенция [1, 123]. Современная молодежь не только теряет качества, которые были у старшего поколения, но приобретает новые, «которых не было у старших, такие, например, как способность адаптироваться к любым социальным изменениям (пластичность), которая подчас трансформируется в парадоксальность (сочетание несочетаемых характеристик и жизненных установок); виртуализацию, то есть неосознанное вхождение в мир искусственных конструкций и, как внешнее проявление этого процесса, — подчиненность средствам массовой информации и рекламе» [1, 101; 9; 11]. На этой основе в молодежной среде формируется положительное отношение к предпринимательству, достижению материального достатка [7, 31].

Слушать негативные отзывы о современной молодежи можно так же часто, как и позитивные. Чернить ее стало уже немодным. Но ведь и факты говорят, что современная молодежь как минимум не хуже старшего поколения, а по ряду показателей даже лучше. Настоящий кризис происходил в 1990-е гг. Но то был не кризис молодежи, а кризис общества. Первой стала выходить из него как раз молодежь, уровень патриотизма в ней сегодня предельно высокий. Общество переболело, пора выздоравливать.

1. Беспалова Ю. М., Герцен С. М. Ценностные ориентации молодежи современной России (межпоколенный подход) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2009. № 4.
2. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи. Нижний Тагил, 1995. С. 56–63.
3. Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социол. исслед. 2002. № 1. С. 96–105.
4. Голубев Е. Ценности, авторитеты, общественное настроение // Санкт-Петербургский университет. 2001. № 31(3585). Дек. 14.
5. Добрынин В. И., Кухтевич Т. Н., Туманов С. В. Молодежь России: три жизненные ситуации. М., 1998.
6. Лисовский В. Т. Социология молодежи: история и современность // Социология и общество : тез. докл. Первого Всерос. социол. конгресса. СПб., 2000.
7. Луков В. А. Проблемы молодежи // Социол. исслед. 1998. № 8.
8. Морозов И. Ю. Достоевский против Макдоналдса (к вопросу об экологии души) [Электронный ресурс]. URL http://www.litmuseum.ru/dost_sib_morozov.htm (дата обращения: 12.05.2016).
9. Покровский Н. В зеркале глобализации // Отечественные записки. М., 2003. С. 31–39.
10. Социокультурный портрет Вологодской области: традиции и современность / А. А. Шабунова, К. А. Гулин, Н. А. Окулова, Т. С. Соловьева. Вологда, 2009.
11. Ценностные ориентации современной молодежи: Обзор социол. исслед. / сост. В. П. Вдовиченко. М., 2003. С. 91–98.
12. Чистяков И. М. Стратегия поведения молодежи на рынке труда (на примере г. Москвы) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2001.
13. Inglehart R. Modernization and Postmodernisation. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997. P. 369–385.

Рукопись поступила в редакцию 10 апреля 2017 г.

УДК 316.61 + 323.329 + 347.168 + 378.126

С. Б. Абрамова

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫБОР ПРОФЕССИИ УЧЕНОГО

В статье дается теоретический анализ социологических подходов к понятиям «профессия», «выбор профессии», описываются основные противоречия современного состояния науки в России. Основное внимание уделяется проблеме факторов, обусловивших выбор данной профессии в различных статусно-возрастных группах ученых. Определены профессиональные потребности и мотивы профессионального выбора, их поколенческая динамика. На основе проведенного полиметодического социологического исследования показаны изменения и амбивалентность модели выбора профессии молодыми учеными.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ученые, выбор профессии, институт науки, профессиональное сообщество.

Проблема профессионального самоопределения молодежи и факторов, влияющих на профессиональный выбор, затрагивает интересы самых разных отраслей социологического знания. В то же время некоторые вопросы социологии профессий приобретают особую актуальность для современной российской